

АПАРТЕИД КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА КОЛОНИАЛИЗМА

Согласно «Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 30 ноября 1973 г., действовавшая в тот период в ЮАР политика апартеида признавалась «преступлением против человечности», проявления которой объявлялись «нарушающими принципы международного права... и создающими серьёзную угрозу для международного мира и безопасности»¹. Спустя лишь два десятилетия расистский режим в Южной Африке стал достоянием истории, а мировое общественное мнение озабочилось другими вопросами. В своё время теории и практике апартеида было посвящено немало работ, но в большинстве своём они носили публицистический характер, анализируя ситуацию текущего дня. Целью данной статьи является проследить общую эволюцию режима апартеида как специфической формы колониализма и национализма, а также дать оценку его последствиям в этом аспекте.

Истоки доктрины апартеида – теории раздельного проживания различных расово-этнических групп – берут начало ещё с момента основания Капской колонии голландцами в середине XVII в. и связываются с особым путём формирования буров как южноафриканской нации². Буры, или африканеры, формировались на пространствах Южной Африки как переселенческий этнос, чья хозяйственная деятельность была направлена на прямое освоение захваченных территорий своим трудом. При этом захват земель сопровождался внеэкономическим принуждением местного африканского населения, в результате чего сложились классы управляющих и подчинённых, разделённых расовой границей «мы – они». Сложившийся социальный тип отношений стал устойчивой базой национальных традиций и культуры воспитания национального самосознания буров, чей этнос, начиная с XVIII в., стал обособленным от Голландии

и европейской цивилизации, всё больше превращаясь в самостоятельную нацию³. К этому периоду уже появляются первые проявления тех явлений, которые в будущем обозначат как апартеид. Так, например, в 1685 г. специальным указом были запрещены смешанные браки между белыми и африканцами, хотя переселенцы из-за нехватки европейских женщин часто нарушали запрет⁴. Некоторые исследователи заявляют о появлении со второй половины XVIII в. в бурском обществе феномена границы – «фронтира», сходного с процессами освоения Дикого Запада в США и противостояния с индейцами, в ходе чего выработывался особый кодекс взаимоотношений с туземцами. Когда бурские переселенцы назвали представителей племён банту «кафраами» – словом, восходящими к арабскому прозвищу «неверных», они обозначили своё намерение применить фронтирный апартеид к этим территориальным соперникам⁵. Таким образом, африканерская нация развивалась как приграничное общество, ощущавшее себя в постоянной опасности. Это фронтирное чувство продолжало доминировать в сознании африканеров вплоть до второй половины XX в., что частично объясняло отказ принять мультирасовое общество⁶. Колониальные конкуренты буров – англичане – наоборот, с момента прибытия в Южную Африку ощущали себя представителями сформировавшейся английской нации, которой не чужды были и черты космополитизма. Отличались англичане от буров и тем, что социальную опору искали в городах, где национальная идентичность выражалась слабее⁷.

После присоединения Капской колонии к Великобритании в ходе наполеоновских войн, активно проводившаяся новыми властями политика «англизации» была встречена бурским населением как нарушение своих прав. А с введением новых языковых законов в первой половине XIX в. усилилось вытеснение голландского языка⁸. После отмены рабства английская колонизация нарушила сложившуюся патриархальную систему, ответом на что стал «Великий трек» или «Великое переселение буров», придавшее ещё больше смысла бурскому национализму⁹. Образовав независимые от Великобритании республики Трансвааль и Оранжевую, буры создали в них свою систему политического управления, согласно которой африканское большинство было лишено всех прав, в то время как широкие политические и гражданские свободы предоставлялись лишь белым жителям¹⁰. Таким образом, если развитие английских колоний было ориентировано на создание открытого буржуазного общества с формально равными правами всех его членов, то бурские

лидеры стремились к социально-политическому ограждению каждой этнической группы, выдвигая в качестве главного критерия положения в обществе его расово-этническую принадлежность¹¹. Впрочем, англичане также презрительно относились к чернокожему населению, что не мешало им ругать буров за это. Без преувеличения можно сказать, что апартеид зарождался в эпоху золотой и алмазной лихорадки в Южной Африке. Уже тогда были сегрегированы места для проживания и чётко обозначилась расовая граница. Впервые появляются и обсуждаются идеи о создании «идеального государства», где политическая и экономическая власть будет принадлежать белым, а чернокожее население будет выполнять привычную для него роль дешёвой рабочей силы¹². В начале XX в. бурские идеологи определяли африканцев как нации без закона. И хотя в религиозной доктрине, к которой всегда обращались буры, открыто речь о расовой сегрегации не шла, в ней всё же говорилось о необходимости «держат африканские народы в вечном подчинении их белых хозяев»¹³. Однако тогда мечта буров сбыться не смогла: помешали трения с английским империализмом, приведшие к вооружённому конфликту, крайне болезненному для исторической памяти африканеров.

Разразившаяся Англо-бурская война сильно повлияла на самосознание буров. Из неё они вышли, по словам Б. Р. Асояна, «жаждущим сплочения народом», африканерами. Старая идея об идеальном «белом государстве» вновь была взята на вооружение¹⁴. Новые хозяева Южной Африки – англичане – не стремились полностью подавить буров и вскоре после войны восстановили их политические и гражданские права. Африканеров приравнивали к англоговорящим жителям колоний (с 1910 г. объединённых в доминион Южно-Африканский союз – ЮАС), что предопределило возможность перехода политической власти в руки буров, превосходивших англичан по численности. Это решение способствовало появлению общенациональных бурских партий и групп¹⁵. Важнейшими из них стали две организации. 7–9 января 1914 г. в Блумфонтейне состоялся организационный съезд Националистической партии (НП; в прямом переводе с африкаанс партия называется «национальной», однако в отечественной историографии прижился именно термин с отрицательным подтекстом), зарегистрированной в июне того же года. Президентом съезда и главой партии стал Джеймс Герцог. А 5 июня 1918 г. произошло создание «Молодой Южной Африки», ратовавшей за пропаганду африкаанс и бурских традиций и культуры. В июле организация получила современное название – «Африканер Брудербонд» («Африканерский союз братьев» – АБ)¹⁶.

В это время продолжалась идеологическая пропаганда национальной исключительности и богоизбранности буров¹⁷. Герцог считал, что в силу непримиримости сторон, сложившейся после англо-бурской войны, лучшим выходом из положения была бы политика двух культурных потоков – африканеров и англоговорящих белых. Однако уже тогда звучала программа тотальной сегрегации африканцев¹⁸. Таким образом, теоретически подразумевая свою обособленность от всех наций и расовых групп, в практическом плане африканеры стремились «защититься» прежде всего от стоящего внизу иерархии чернокожего населения.

В историографии до сих пор идут споры, когда точно появился термин «апартеид» как синоним расовой сегрегации, однако исследователи в целом сходятся, что это имело место в середине 1930-х гг. Трансформация апартеида из расплывчатой концепции в практическую программу произошла уже в 1945 г. благодаря книге профессора социологии университета Претории Гроенвальда Кронье «Дом для потомства». В ней автор выступил за систему полного разделения проживавших расово-этнических и национальных групп в стране исходя из того, что африканеры исполняют «волю бога». Многие из идей профессора впоследствии стали составной частью политики апартеида¹⁹. Кроме деятельности интеллектуалов, теория расовой сегрегации получила дальнейшее развитие в конце 1930-х гг. и в 1940-е гг. на целой серии организованных при содействии АБ «Народных конгрессов». Тогда члены бурских организаций стали осознавать, что их главной задачей должно стать получение власти²⁰. В контексте идейного генезиса апартеида интересно проследить и связи африканерских националистов с нацистами. Известно, что ещё до войны представители НП установили прямые контакты с Гитлером, Франко и Салазаром, не скрывая своей приверженности их идеологии. Будущие лидеры страны Хендрик Фервуд и Балтазар Форстер объявили, что они выступали «за христианский национализм, который является союзником национал-социализма». Восхищаясь Гитлером, Форстер перевёл на африкаанс «Майн Кампф». Частым гостем в ЮАР был глава Британского союза фашистов Освальд Мосли²¹. В фашистских доктринах африканеров привлекали, прежде всего, идеи исключительности своей нации. Неудивительно, что в период мирового конфликта большая часть бурского сообщества прохладно относилась к участию своего доминиона в войне.

Определяющей для судеб апартеида оказалась предвыборная кампания в парламент страны в 1947–1948 гг. Тогда идеям сегрегации был придан политический смысл. Признав расовую рознь естественным состоя-

нием человеческого общества, авторы теории апартеида предложили для установления мира между расами разделить страну на зоны обособленного поселения для людей различных рас, что стало частью предвыборной кампании НП²². Так был воссоздан принцип государственного развития, применённый Трансваалем в конце XIX в. При этом выделение национальных территорий для африканских племён должно было сопровождаться усилением дискриминации тех чёрнокожих граждан, которые проживали на территориях, занятых белыми²³. Сами идеологи НП дали апартеиду такое определение в 1948 г.: «Политика, которая ставит целью сохранение и защиту чистоты туземных народов, объединённых в отдельные расовые группы, с предоставлением им возможностей развития в самоуправляющихся территориальных единицах; политика поощрения развития национального самосознания и уважения национальных особенностей как своей, так и других рас, проживающих в стране»²⁴. Приверженцы апартеида считали, что он не являлся простой формой дискриминации, а представлял нечто большее – целостную систему, регулируемую связи между различными расами²⁵. При этом изначально подразумевался определённый максимализм, когда общество делилось на привилегированную белую прослойку (в борьбе с местным населением потомки англичан считались естественными союзниками) и всё остальное небелое население. Интересы промежуточных групп, например цветных, игнорировались, при том, что в течение долгого времени они ориентировались на белое сообщество. У цветных не было своей исконной территории, а в качестве родных языков использовались английский и африкаанс²⁶. Несмотря на это, с победы НП в мае 1948 г. сегрегационные принципы апартеида стали неумолимо претворяться в жизнь.

Стоит отметить, что, несмотря на развитую теоретическую базу, апартеид не являлся застывшей догмой, а представлял именно политику, то есть серию текущих решений имевшихся проблем. Полный апартеид даже проводившим его политическим деятелям виделся идеалом²⁷. Поэтому как система апартеид постоянно трансформировался, что, в конечном итоге, стало являться доказательством его несоответствия потребностям развития южноафриканского общества²⁸. Так, несмотря на победу африканерского национализма, в экономике африканеры вынуждены были вести борьбу против англоговорящих граждан, которые контролировали три четверти южноафриканской экономики и чьи интересы противоречили крайним проявлениям апартеида. В результате во властной структуре Южной Африки сложилась любопытная дихотомия: в то вре-

мя как экономика страны находилась в основном в руках англоговорящей части белого населения, политика контролировалась африканерами²⁹. Впрочем, учёт интересов англоговорящего сообщества как части белой элиты страны вместе с благоприятной экономической конъюнктурой и прагматизмом выходцев из Англии позволил на время примирить их с политикой НП.

Принципиально важно подчеркнуть, что победа режима апартеида являлась, прежде всего, победой африканерского национализма. Именно поэтому многие современники апартеида считали маловероятным, что белые в ЮАС (С 1961 г. – Южно-Африканская республика – ЮАР) добровольно откажутся от апартеида. Для них это будет означать превращение в меньшинство и утрату в значительной степени своих экономических позиций³⁰. В этом и кроется причина долголетия НП, партии африканерского единства. Как писал современник: «До тех пор пока она остаётся партией, в которой африканер чувствует себя дома, и которая, как он считает, в наибольшей степени способна сохранить его идентичность и защитить его политические, культурные и экономические интересы, так долго он будет оставаться лоялен ей»³¹. Поэтому нужно делать ясное различие между белым правлением в Южной Африке, и правлением африканеров. К середине 1960-х гг. африканеры насчитывали 2 из 3,5 млн. белых, образуя политическую, но не экономическую элиту. В силу этого цель правительств НП заключалась не в установлении правления белых, а правления африканеров, и апартеид являлся результатом этой ситуации. Апартеид не являлся просто расовой доктриной; это была расовая доктрина африканеров, потому что он подпирал движение африканерского национализма, на котором базировалось правительство НП. В этом ключе апартеид являлся уникальным творением африканерского национализма, который оказался старейшим национализмом африканского континента, взращенный британским империализмом. Если апартеид уйдёт, африканерский национализм уйдёт вместе с ним³².

У западных исследователей сложилась традиция разделять апартеид по проявлениям дискриминации на два типа, а именно: выделяют «малый» апартеид, выражавшийся прежде всего в расовой сегрегации в повседневной жизни, а также «большой» апартеид, который затрагивал отношения собственности и политические права³³. При этом в силу того, что «малый» апартеид находился постоянно на виду, именно его проявления были наиболее доступны для осуждения мирового общественного мнения. В то же время как раз система «большого» апарте-

ида таила в себе основные угрозы. Расовое деление на группы (белые; банту – туземцы; азиаты – индийцы; цветные – смешанные расы) было опасно не само по себе, а именно в контексте связанного с ним перераспределения земельного фонда и лишения политических прав небелого населения. Так африканцам было выделено для проживания лишь 13% не самой лучшей территории, хотя они составляли 70% населения. При этом власти произвольно разделили африканцев на 10 этнических группаций, каждой из которых выделили свою территорию – хоумленд или бандустан. С начала 1970-х гг. процесс бандустанизации чернокожего населения принял форсированный характер³⁴. Он отвечал стремлениям идеологов апартеида, утверждавших, что все управленческие службы и функции каждой национальной группы должны находиться в руках исключительно членов этой группы. В экономическом плане это позволяло бы избежать конкуренции с белыми людьми, а значит бандустанизация способствовала бы росту среднего класса банту. При этом звучали утверждения о том, что банту уже владеют значительной частью скота и хорошими землями³⁵. Именно такие объяснения давались тогда мировому общественному мнению.

Конечная цель, которую преследовали расисты, заключалась в постепенном переводе всех бандустанов на рельсы независимости. Это автоматически должно было снять вопрос о гражданстве ЮАР для африканцев, раз те станут гражданами «независимых» бандустанов³⁶. В качестве других целей предполагалось остановить процесс национальной консолидации африканцев; возродить трибализм и расколоть национально-освободительное движение; создать коррумпированную верхушечную прослойку, зависевшую от белых, и видимость решения расовых проблем для обмана международного общественного мнения. В экономике подразумевалось увековечить бесконтрольную эксплуатацию африканской рабочей силы³⁷. Таким образом, апартеид стал своеобразной реакцией на национально-освободительные движения эпохи. Внедрением бандустанов африканеры как бы сказали чернокожим людям, что если они хотят равенства и свободы, они могут быть таковыми лишь среди подобных себе. В итоге система хоумлендов означала попытку белых правителей удовлетворить демократические притязания угнетённых людей, и в то же время их же неспособность даровать демократию безоговорочно³⁸. Важно отметить и другой аспект бандустанизации как формы сегрегации. Начиная с 1920-х гг. стало ясно, что зона расового конфликта в основном расположена в городах, где наблюдалось столкновение соци-

ально-экономических интересов неквалифицированных белых и черных рабочих. Поэтому политиками сегрегация стала рассматриваться и как ответ на урбанизацию африканцев³⁹. Но при этом, по мнению специалиста Барбары Роджерс «Политика бандустанов никогда не была серьезно направлена на ограждение африканских рабочих от современного, белого сектора экономики. Напротив, система туземных резерваций должна была создаваться как часть системы, в соответствии с которой африканское население следовало ограничить рамками хозяйства, не обеспечивавшего средства к существованию с тем, чтобы трудоспособные люди приходили в белую зону продавать свой труд»⁴⁰. Поэтому в силу своей экономической несостоятельности идея бандустанизации оказалась порочной в зародыше.

Важны и внешнеполитические аспекты апартеида. Его появление и развитие совпало с деколонизацией Африки. Бесправные колонии становились независимыми государствами, и в умах африканерской элиты возник устойчивый страх за будущее своего социально-экономического благополучия. В силу этого режим апартеида стал крайне консервативной силой и на внешнеполитической арене, а внутренняя стабильность связывалась с внешней. Так расовые и социально-политические проблемы, которые руководство страны было не в состоянии решить, связывались с «коммунистической угрозой» и «вмешательством извне». Выдвигался аргумент, что стоит устранить «внешнюю угрозу», как внутренние проблемы разрешатся. На этом основывалась политика ЮАР в отношении соседних государств. Расчёт делается на формирование политического и экономического блока государств на юге континента под эгидой ЮАР с установлением неокOLONиального господства ЮАР в регионе с целью подрыва и ослабления единого антирасистского фронта в Африке⁴¹. Поэтому ЮАР избрала политику конфронтации с соседями, что неизбежно вело к мифам о враждебном окружении и угрозе безопасности ЮАР извне⁴². Не случайно, что принципы апартеида были распространены и в Намибии, оккупированной ЮАР стране, где десятая часть населения (белые) оказались в привилегированном положении, а для остальных в 1973–78 гг. было создано 9 бандустанов с системой эксплуатации местных ресурсов и фактически рабского труда⁴³. Лежащая в основе политики апартеида концепция «раздельного развития» расовых и этнических групп по рекомендации Претории активно использовалась и гватемальским режимом против индейского населения, изгоняемого в высокогорные районы на

северо-западе страны с целью создания т.н. «образцовых деревень» по типу южноафриканских бандустанов⁴⁴.

Апартеид, как уже было сказано выше, не являлся неизменным явлением. Западные исследователи выделяют три его фазы. Первый этап с 1948 до 1959 г. характеризовался введением расистского законодательства в стране. Второй период, продолжавшийся до 1970-х гг. стал эпохой расцвета и высшей точкой апартеида и африканерского национализма. Последний этап, завершившийся приходом к власти Нельсона Манделы в 1994 г., оказался временем непрекращавшихся трансформаций системы по причине её кризиса⁴⁵. Начало реформирования апартеида связывается с деятельностью Питера Боты, давшего имя целой эпохе. Этот политик, став в 1978 г. премьер-министром, провёл в 1984 г. конституционную реформу, по итогам которой был избран Президентом ЮАР и сохранял этот пост до 1989 г. Бота одним из первых понял, что режим «чистого апартеида» устарел; отсюда вытекал знаменитый лозунг Боты – «Приспособиться или погибнуть». Причинами реформ считались усиление антирасистской борьбы, давление крупного капитала и реалистическая оценка положения в экономике. Однако стоит подчеркнуть, что изменения затронули лишь «малый апартеид», то есть внешние проявления политики режима⁴⁶. Поэтому по мнению многих современников либералы, как было принято называть сторонников «реформистского» курса Боты, мало чем отличались от ультраправых расистов⁴⁷. Фактически же реальной целью южноафриканского режима в это время было не проведение реформ для построения многорасового общества, а модернизация и совершенствование апартеида, придание ему респектабельности⁴⁸. Реформы Боты не дали небелому населению самого главного – инструментов политической власти. Поэтому архиепископ Кейптауна, лауреат Нобелевской премии мира Десмонд Туту в 1979 г. так высказался о Боте: «Он говорит о том, чтобы более человечно применить бесчеловечную систему»⁴⁹. Но, несмотря на ограниченность реформ Боты, его деятельность дала мощный толчок изменению сознания белой общины ЮАР. Активизировались критики режима, что привело к расколу в самом африканерском движении, в котором выделились демократы и появились сторонники старого апартеида в лице консервативного крыла НП, отколовшегося в ультраправую Консервативную партию (КП) во главе с Андриесом Треурнихтом.

К тому времени несостоятельность режима апартеида проявилась, прежде всего, в экономической сфере, где его изъяны стали очевидными

уже в 60-е гг. из-за создания преград на пути интенсивного экономического развития. Это вызвало недовольство большинства представителей крупного капитала⁵⁰. После относительно благоприятной конъюнктуры 1960–1970-х гг., в 1980-х гг. экономика ЮАР переживала упадок. Эксперты предсказывали продолжение стагнации в случае сохранения режима апартеида из-за его высоких издержек. Неудивительно, что белые бизнесмены, связанные международными связями, считали необходимым пойти на значительные уступки освободительному движению до того, как цена апартеида для экономики станет слишком высокой⁵¹. Это касалось, прежде всего, снятия «цветного барьера» в экономической сфере, что принесло и политические бонусы.

Курс правительства на всё большее вовлечение африканцев в экономику оказался успешным и сместил акценты в их борьбе на экономические требования. Это обозначило наличие разрыва в умонастроениях значительной части чёрного населения в целом и относительно немногочисленной группы активистов борьбы с апартеидом⁵². Стал меняться и характер борьбы, смещаясь с насильственных на экономические методы. Так чернокожее население активно применяло в ряде регионов страны потребительский бойкот против малого бизнеса белых предпринимателей, что заставляло местные власти и бизнес пойти на переговоры по важным социальным и даже политическим вопросам⁵³. Долгое время конфликт в Южной Африке представлялся столкновением двух монолитных структур: белого правящего меньшинства и угнетённого африканского большинства. Но во второй половине 1980-х гг. противостояние этих двух полюсов стало размываться через снижение взаимного недоверия⁵⁴. В результате, с осознанием большинством белого населения невозможности решения расового конфликта традиционными методами на рубеже 1980–1990-х гг., оно оказалось психологически готовым к отказу от политики апартеида и к началу диалога с организациями национально-освободительного движения⁵⁵. Но вопрос о путях трансформации системы ЮАР оставался открытым.

Ещё в период активной борьбы с апартеидом на рубеже 1980-х – 1990-х гг. многие специалисты по истории ЮАР поддерживали мнения, что чернокожее большинство не располагало ни организационным единством, ни военным потенциалом, чтобы начать классическую народную революцию⁵⁶. Её и не произошло. В Южной Африке социальной революции не случилось; вопрос о ломке социально-экономического порядка не ставился. Уничтожение апартеида было продиктовано социально-эко-

номическими причинами, сложившимися к концу 80-х – началу 90-х гг. Отмену расового режима можно оценить как политическую революцию 1994 г., которая носила в Южной Африке ярко-выраженный антиколониальный характер⁵⁷. Одной из целей этой национально-демократической революции являлось устранение докапиталистических форм внеэкономического принуждения, которые мешали более интенсивному и равноправному вовлечению чёрного населения в систему производственных капиталистических отношений⁵⁸. Впрочем, процесс отмены апартеида не прошёл безболезненно. Как любая колониальная система, она имеет тенденцию перехода в неоколониальную фазу и оставлять различные «ловушки» в виде неразрешённых проблем, обеляющих прошлое.

Среди главных проблем, обозначившихся после отмены апартеида, можно отметить национальный вопрос. ЮАР оказалась более многонациональным государством, чем это предписывалось официальным делением, являвшимся плодом расовых предрассудков, возведенных в законодательную норму. Ведь ни белое население, ни африканцы так и не представляют собой единых этнических обществ. В Южной Африке к середине XX в. сложилась лишь одна нация – это африканеры, а все остальные находятся в процессе национальной самоидентификации⁵⁹. Не случайно, защищая режим, сторонники апартеида указывали на невозможность разрешения проблемы африканского национализма, по той простой причине, что такого явления как многорасовая южноафриканская нация ещё не сложилось в природе. Даже среди африканцев единственным объединяющим началом был чёрный цвет кожи, по происхождению же они делились на хоса, зулу и пр. Притом исторически все, и белые, и чернокожие оказывались иммигрантами на земле Южной Африки⁶⁰. Ограничивая развитие этих отношений среди африканского населения, апартеид не столько способствовал сохранению этнических особенностей каждой из африканских народностей, сколько препятствовал превращению их в нации. Да и борьба за демократию в ЮАР являлась, прежде всего, борьбой за уничтожение апартеида, расового, но не национального явления. Поэтому, когда политическое будущее обсуждалось на заседаниях Конвента за демократическую Африку (КОДЕСА), куда вошли наиболее влиятельные силы страны, ни термин «национальный вопрос», ни заменяющие его («права национальных меньшинств», «групповые права») не звучали. Национальный вопрос в ЮАР трактовался очень узко – лишь как освобождение бесправного чёрного большинства⁶¹. Во многом это определялось позицией Африканского наци-

онального конгресса (АНК), главной антиапартеидной силы, которая стремилась обходить национальную проблему, отстаивая идею единой южноафриканской нации⁶². Целесообразно привести цитату Нельсона Манделы: «Идеологическое кредо АНК есть и всегда было кредо национализма африканцев. Но это не концепция африканского национализма, которая выражена в словах «сбросить белого человека в море». Африканский национализм АНК построен на концепции свободы и осуществления прав африканцев на их собственной земле»⁶³.

Наиболее существенные негативные последствия «большого» апартеида проявляются в социально-экономической сфере. Ещё во время борьбы с расистским режимом наблюдатели предсказывали неизбежные сложности с преодолением таких комплексов проблем как бедность, миграция, безработица, обеспеченность жильём и питанием. Результаты десятилетий правления меньшинства выразились в огромной диспропорции в распределении ресурсов и породили неравенства, которые стали структурными, глубокими и крепко оберегаемыми теми, кому они выгодны⁶⁴. Не сложился слой и местных квалифицированных специалистов. Даже спустя полтора десятилетия после победы демократии в ЮАР ясно, что потребуются десятилетия, чтобы возместить издержки эпохи дискриминации, создать культурно-образовательную среду для формирования значительного слоя творческой интеллигенции из числа африканского и других групп небелого населения⁶⁵. Оставил апартеид и глубокие психологические травмы. Хотя расовые законы в настоящий момент не действуют, в сознании чёрного и цветного населения осталось восприятие белых как граждан, обладающих более широкими правами, чем остальные. Не сильно изменились и межрасовые представления в быту – по данным опросов общественного мнения, значительная часть южноафриканского населения не спешит пользоваться свободой межрасовых отношений, предпочитая в силу разных причин замыкаться в рамках своей социально-культурной группы⁶⁶.

Чтобы быть максимально объективным, отметим, что некоторые исследователи выделяют и положительные аспекты апартеида. В частности, он способствовал поддержанию социальной и политической стабильности в Южной Африке в эпоху «Холодной войны» посредством сохранения английской буржуазно-парламентской системы и заслону от национальных и социалистических экспериментов. Кроме того, апартеид, как политика, предполагавшая активное вмешательство государства в экономические процессы для их стимулирования, не мог не сыграть

позитивной роли в становлении южноафриканской экономики как независимой и одной из самых развитых в мире, особенно в 1950–1960-х гг.⁶⁷. Но все внешние факторы не могут заслонить преступную сущность апартеида, порождения специфического бурского национализма и колониализма, которому уже нет и не будет места в современном мире.

Подводя итоги, можно согласиться с мнением отечественных исследователей, что нерасовое правительство страны унаследовало тяжелейшие проблемы, связанные с формированием в Южной Африке в течение длительного периода колониализма особого типа, когда высокоразвитая метрополия и слаборазвитая колония сосуществовали в единой стране⁶⁸. Этот внутренний колониализм в политическом плане напоминал по структуре античные рабовладельческие демократии, соблюдавшие принципы равенства и свободы в отношении лишь узкого слоя господствующего меньшинства населения. Бесправное большинство работало на избранных⁶⁹. Но при этом для общества апартеида в Южной Африке были актуальны и другие факторы специфики колониальной модели. Как было показано выше, апартеид был производной от бурского национализма, направленного не только против африканцев, но и против потомков англичан. Претендуя на то, чтобы выступать в качестве ведущей цивилизационной силы во взаимоотношениях с туземцами, африканеры сами оказывались в подчинённом положении по отношению к британскому империализму. Именно эта двойственность привела к попытке национального самоутверждения за счёт бесправного небелого населения Южной Африки, что и стало основой апартеида, но при этом африканеры не учли происходившие в стране и мире объективные социально-экономические и идеологические процессы, не позволившие в конечном итоге закрепиться режиму апартеида надолго.

¹Apartheid // *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 23. № 2 (Apr., 1974). P. 469.

²Южная Африка: борьба против апартеида. М., 1991. С. 5.

³Демкина Л. А. Некоторые аспекты социально-политического развития южноафриканского общества после 1994 г. М., 2006. С. 23–24.

⁴Асоян Б. Р. Сквозь 300 лет – от Кейпа до Трансвааля. Штрихи к портрету Южной Африки. М., 1991. С. 37.

⁵Lovell C. R. Afrikaner Nationalism and Apartheid // *The American Historical Review*. Vol. 61. № 2 (Jan., 1956). P. 309.

⁶*Walshe A. P.* The Changing Content of Apartheid // *The Review of Politics*. Vol. 25. № 3 (Jul., 1963). P. 343.

⁷*Демкина Л. А.* Некоторые аспекты... С. 26.

⁸*Toit du B. M.* Afrikaners, Nationalists, and Apartheid // *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 8. №. 4 (Dec., 1970). P. 534.

⁹Южная Африка... С. 8–9.

¹⁰*Тихомиров В. И.* Партия Апартеида. Социально-политическая эволюция Националистической партии ЮАР. М., 1987. С. 14.

¹¹Южная Африка... С. 14.

¹²*Асоян Б. Р.* Сквозь 300 лет... С. 60–61, 63.

¹³*Тихомиров В. И.* Указ. соч. С. 28.

¹⁴*Асоян Б. Р.* Сквозь 300 лет... С. 132.

¹⁵*Тихомиров В. И.* Указ. соч. С. 19.

¹⁶Там же. С. 30–31, 38.

¹⁷Южная Африка... С. 21.

¹⁸*Асоян Б. Р.* Сквозь 300 лет... С. 180.

¹⁹*Мередит М.* Во имя апартеида: Южная Африка в послевоенный период // Политическая ситуация на Юге Африки. Реферативный сборник. М., 1991. С. 16.; *Тихомиров В. И.* Указ. соч. С. 68.

²⁰*Тихомиров В. И.* Указ. соч. С. 60.

²¹*Вахрушев В. В., Левиненко А. Н.* Апартеид и политика Запада в ООН. М., 1989. С. 15–16.

²²Апартеид: внутренние и внешние аспекты. М., 1990. С. 7–8.

²³Южная Африка... С. 26.

²⁴*Тихомиров В. И.* Указ. соч. С. 88.

²⁵Апартеид: внутренние и внешние аспекты... С. 8.

²⁶*McInnis E.* Apartheid in Action // *International Journal*. Vol. 11. № 4 (Autumn, 1956). P. 237.

²⁷*Holloway J. E.* Apartheid // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 306. Africa and the Western World (Jul., 1956). P. 29.

²⁸*Тихомиров В. И.* Указ. соч. С. 90.

²⁹*Snellen I. Th. M.* Apartheid: Checks and Changes // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs). Vol. 43. №. 2 (Apr., 1967). P. 297.

³⁰*Ibid.* P. 305.

³¹*Hirschmann D.* Pressures on Apartheid // *Foreign Affairs*. Vol. 52. №. 1 (Oct., 1973). P. 176–177.

³²*Uys S.* Apartheid: Opium of the Afrikaner // *Transition*. № 19 (1965). P. 13–14.

³³*Beck R. B.* The History of South Africa. Westport – London, 2000. P. 125.

³⁴Апартеид: внутренние и внешние аспекты... С. 10.

³⁵*Erasmus B. P.* The Policy of Apartheid // *African Affairs*. Vol. 60. № 238 (Jan., 1961). P. 63.

³⁶*Алексеев П. А.* ЮАР – последний оплот расизма и колониализма в Африке. М., 1986. С. 13.

³⁷Апартеид: внутренние и внешние аспекты... С. 10.

³⁸*Vilakazi H.* The Last Years of Apartheid // Issue: A Journal of Opinion. Vol. 8. № 4. Africa 2000 (Winter, 1978). P. 61.

³⁹*Welsh D.* The Cultural Dimension of Apartheid // African Affairs. Vol. 71. № 282 (Jan., 1972). P. 41.

⁴⁰*Lundahl M.* The Rationale of Apartheid // The American Economic Review. Vol. 72. № 5 (Dec., 1982). P. 1178–1179.

⁴¹*Алексеев П. А.* Указ. соч. С. 40, 47.

⁴²*Иванов И. О.* Южная Африка: диалог и конфронтация. М., 1989. С. 34.

⁴³*Вьшинский М. П.* Юг Африки: апартеид, геноцид, агрессия. М., 1988. С. 108.

⁴⁴*Вахрушев В. В., Левиненко А. Н.* Указ. соч. С. 10.

⁴⁵*Beck R. B.* Op. cit. P. 126.

⁴⁶*Иванов И. О.* Указ. соч. С. 6.

⁴⁷*Асоян Б. Р.* Южная Африка: кто нагнетает напряжённость. М., 1986. С. 6.

⁴⁸*Updating Apartheid* // Economic and Political Weekly. Vol. 21. № 21 (May 24, 1986). P. 895.

⁴⁹*Иванов И. О.* Указ. соч. С. 7.

⁵⁰*Тихомиров В. И.* Указ. соч. С. 118; *Иванов И. О.* Указ. соч. С. 14–15.

⁵¹*Stoneman C., Suckling J.* From Apartheid to Neocolonialism? // Third World Quarterly. Vol. 9. № 2. After Apartheid (Apr., 1987). P. 523–524.

⁵²*Незнамов В. П.* Международные аспекты внутривосточных изменений в ЮАР. М., 1991. С. 6.

⁵³*Baker P. H.* Facing up to Apartheid // Foreign Policy. № 64 (Autumn, 1986). P. 45–46.

⁵⁴*Вялшмаа Л. А.* ЮАР: Белые размышляют о переменах (по материалам трёхсторонней встречи представителей советской общественности, АНК Южной Африки и белой общины ЮАР, состоявшейся 24–27 октября 1988 г. в г. Леверкузене). М., 1990. С. 5.

⁵⁵*Беляев А. В.* Проблема национально-расовой интеграции и социально-политические процессы в ЮАР в 70–90-е гг. // Очерки по национальному вопросу в Южной Африке. М., 1997. С. 243.

⁵⁶*Незнамов В. П.* Указ. соч. С. 5.

⁵⁷*Демкина Л. А.* Некоторые аспекты... С. 5–6, 94.

⁵⁸*Демкина Л. А., Рытов Л. Н.* Национальный вопрос в Южной Африке и его политические аспекты // Очерки по национальному вопросу в Южной Африке. М., 1997. С. 94.

⁵⁹*Демкина Л. А.* Некоторые аспекты... С. 46, 132.

⁶⁰*Egastus B. P.* Op. cit. P. 56, 58.

⁶¹*Демкина Л. А., Рытов Л. Н.* Национальный вопрос... С. 85–90, 94.

⁶²*Демкина Л. А.* Некоторые аспекты... С. 48.

⁶³*Вялшмаа Л. А.* Указ. соч. С. 35.

⁶⁴*Savage M.* The Cost of Apartheid // Third World Quarterly. Vol. 9. № 2. After Apartheid (Apr., 1987). P. 601, 619.

⁶⁵*Скубко Ю. С., Шубин Г. В.* Некоторые аспекты социальной политики ЮАР в 1994–2007 гг. // Проблемы развития ЮАР и Зимбабве (Сборник статей). М., 2007. С. 19.

⁶⁶*Касимова А. Н.* Политическая власть и оппозиция в современной ЮАР. М., 2009. С. 8, 73–74.

⁶⁷*Беляев А. В.* Указ. соч. С. 212–213.

⁶⁸*Скубко Ю. С., Шубин Г. В.* Некоторые аспекты... М., 2007. С. 6.

⁶⁹*Скубко Ю. С., Шубин Г. В.* Проблемы строительства нерасового государства в ЮАР (2006–2009). М., 2009. С. 4.